

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

И.А. Левченко, М.П. Ахиджакова*Адыгейский государственный университет**г. Майкоп, Россия**livv05@mail.ru, zemlya-ah@yandex.ru***РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ХУДОЖНИКА
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*****[Inna A. Levchenko, Mariet P. Akhidzhakova******Representation of the artist's linguistic consciousness******in autobiographical discourse]***

It is considered the features of the representation of the artist's linguistic consciousness in autobiographical discourse based on the book by M. Chagall "My Life". The scientific novelty of the research consists in the study of the artist's discourse as a synthesis of his own autobiographical and professional discourses, as a heterogeneous semantic space, including verbal representations of linguo-cognitive activity and manifesting visual images and impressions of a creative subject, conditioned by the specifics of painting as a form of art. As a result, it was proved that the artist's autobiographical discourse is distinguished by a special linguistic and creative potential, which makes it possible to judge both the individual author's picture of the world of M. Chagall, the components of which are verbalized in the text, and about the peculiarities of the realization of his creative personality in the visual arts. Autobiographical discourse is a complex synthesis of autobiographical and professional discourses, representing various cultural codes and ethnospecific meanings.

Key words: autobiographical discourse, linguistic consciousness, professional consciousness, event, referentiality, subjective history, memory.

Внимание исследователей к автобиографической литературе закономерно обусловлено антропоцентризмом современной научной парадигмы: автобиографические жанры сфокусированы на «человеческом измерении», на манифестировании языковой личности адресанта высказывания. Западноевропейская гуманитарная наука обнаруживает интерес к автобиографической литературе уже в 1950-1970-х гг. на основании рассмотрения автобиографии как жанра и как психологической практики, и в этой связи изучается не только лингвокогнитивная специфика субъективности, но и тексто-дискурсив-

ные трансформации внутри данного корпуса текстов. Активное подключение отечественной гуманитаристики к этой проблемной сфере происходит уже в конце 1990-2000-х гг., при этом обогащаются и уточняются концепции художественного и публицистического текстов. В целом можно говорить об усилении внимания к автобиографическим текстам на фоне изменений в русле постклассической философии, когда категория субъекта мыслится детерминированной языковыми и социальными практиками. Структурализм и постструктурализм, развивая концепцию «смерти автора», предлагают использовать такие аналитические процедуры, в которых бы намеренно не учитывалась авторская субъективность и интенциональность. Но в качестве когнитивного фундамента автобиографических жанров всегда выступает фигура биографического автора, которую невозможно заменить читателем: вне реконструкции авторской интенциональности и специфики его языкового сознания в целом ценностно-смысловое пространство автобиографического дискурса лишено возможности декодирования.

Автобиографические жанры с позиций жанрологии исследуются сегодня на основании разработанной методологии, однако отсутствует единообразие в употреблении терминов, прежде всего, в отношении таких литературных произведений, которые не могут считаться автобиографиями на основании отнесенности к конкретному временному промежутку либо формальных и содержательных характеристик. В 1971 г. Ф. Лежен предложил определение жанра автобиографии – «ретроспективное повествование о себе, первостепенное значение в котором имеют события частной жизни и история становления личности рассказчика» [Цит по: 9, с. 23]. Основопологающим формальным критерием выделения жанра автобиографии Ф. Лежен предлагает считать автобиографический пакт – такой «зачин» повествования, задача которого состоит в установлении неких отношений адресанта и адресата, обеспечивающих, в конечном счете, обязательную референциальность автобиографического жанра и единство в одном лице автора, повествователя и героя. Позднее Ф. Лежен подчеркивает, что пакт «часто принимает форму развернутой преамбулы, предисловия или введения, предназначенного для того, чтобы разрушить предубеждения читателя, объясняя правила игры, к которой его приглашают: итак, автобиографический пакт становится чем-то вроде микрожанра, оправдывающего не жизнь как таковую, а повествование о ней» [Цит по: 9, с. 23].

Полемика относительно понятия «автобиографического пакта», предложенного Ф. Леженом, касалась, прежде всего, строгости критерия референциальности: так, П. де Ман отмечает, что нельзя достоверно квалифицировать референциальность или вымысел, исходя из автобиографического текста [17, с. 921]. Ж. Старобинский указывает в этой связи, что автобиография и роман характеризуются общими повествовательными приемами, что затрудняет не только дифференцирование этих жанров, но и различение субъектов повествования: «отличить “я” художественного текста от “я” “настоящего” автобиографического повествования невозможно» [10, с. 219]. Поэтому с уверенностью можно говорить о том, что понимание автобиографии Ф. Леженом – это идеальная жанровая модель, тогда как автобиографическое текстово-дискурсивное пространство гораздо более разнообразно и не вписывается в ее рамки. По этой причине автобиографические тексты описываются в гуманитарных науках посредством целого ряда терминов: эгодокументы, автопсихологизм, автобиографизм, автобиографический дискурс и пр. В нашем исследовании мы используем термин *автобиографический дискурс*.

Дискурс как наиболее востребованный и, вместе с тем, дискуссионный термин последних десятилетий имеет классическое определение, предложенное Н.Д. Арутюновой: это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [7, с. 136-137]. Именно событийность позволяет говорить о применимости термина *дискурс* к совокупности автобиографических текстов, что, на наш взгляд, позволяет транспонировать модель автобиографического жанра Ф. Лежена и на автобиографический дискурс.

Дискурс, по М. Фуко, – такой языковой код, который обуславливает речевое поведение и мышление: «Дискурс интерпретируется как семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик. Когда говорят о дискурсе, то в первую очередь имеют в виду специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)» [4, с. 138]. Важно также принимать во внимание и понятие нарратива, обуславливающее трактовку дискурса как «весь уровень речи, повествующей о событиях, в отличие от самих этих событий» [5, с. 50].

Термин «автобиографический дискурс» пока не получил в филологической науке однозначного понимания. Обращение лингвистики к автобиографическому дискурсу детерминировано наиболее полным отражением в нем взаимодействия человека и языка. Так, автобиографический дискурс трактуется как «персональный открытый монологический устный или письменный дискурс (с возможным проявлением черт институциональных типов дискурса) с особой пространственно-временной организацией, ярко выраженным личностным началом, отсутствием повествования о будущем, постоянным соотношением настоящего и прошлого, субъективного и объективного начал, основной коммуникативной стратегией которого является самопрезентация, а основными составляющими концептосферы – «жизнь» и «память». Следует отметить, что автобиографический дискурс является автореферентным <...>» [3, с. 270]. Отметим, что предлагаемая трактовка автобиографического дискурса отчетливо междисциплинарна, что позволяет опираться на достижения других гуманитарных наук в изучении автобиографического дискурса. Обширным эвристическим потенциалом обладает здесь само манифестирование корреляций субъективной и объективной истории, поскольку в автобиографическом дискурсе многообразно преломляются как внешний, так и внутренний миры.

Особую значимость в заявленной парадигме приобретает и языковое сознание, которое изучается современной лингвистикой с различных позиций. Очевидно, что язык служит орудием мышления, реализуя также коммуникативную функцию. Язык и сознание существуют в единстве, т.к. язык представляет собой непосредственную действительность мышления. Сознание формируется посредством языка: человек, воспринимая явления действительности в процессе деятельности и коммуникации, фиксирует их в своем сознании в причинно-следственных связях явлений и эмоций, вызванных их восприятием. Образ мира приобретает этно- и лингвокультурную специфику, становится основным культурным компонентом, т.к. содержит все существенные для данной культуры «знания, необходимые для адаптации каждого ее члена к окружающей природной и социальной среде» [13, с. 205]. По Е.Ф. Тарасову, языковое сознание – совокупность образов сознания, которые формируются и вербализуются на различных языковых уровнях, причем основополагающим в дихотомии «сознание и язык» выступает со-

знание [11, с. 24]. Языковое сознание трактуется как составная часть сознания, которая выступает связующим звеном между перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира и их «овнешнениями», необходимыми для «передачи» образов сознания от одного поколения другому [12, с. 10]. В этой связи особым эвристическим потенциалом обладает изучение способов организации и репрезентации знаний в той или иной профессиональной сфере, которая закономерно вписана в культуру в целом: это формы категориально-семантического строения знания, обуславливаемые структурами восприятия и осмысления пространства, времени, движения, причинно-следственных связей. Представляется, что языковое сознание художника актуально в плане изучения языкового сознания в целом, т.к. в нем сопоставляется две семиотических системы, получающие разноплановое выражение в дискурсивном пространстве.

На наш взгляд, интересным в плане изучения автобиографического дискурса могут стать воспоминания художников, чья жизнь хронологически совпала с переломными событиями в истории страны. Именно таким представляется автобиографический дискурс Марка Шагала, особенности которого наиболее многообразны манифестированы в его книге воспоминаний «Моя жизнь» (первая публикация – 1923). Текст этого документально-поэтического произведения представляет собой сложный синтез характеристик автобиографического и профессионального дискурсов, репрезентируя при этом компоненты индивидуально-авторской картины мира автора, причудливо сочетающей цветовые и зрительные образы с лексико-семантической объективацией образа мира М. Шагала.

Так, например, субъективная история адресанта автобиографического дискурса характеризуется референциальностью и одновременно элементами художественного вымысла, которые репрезентированы не только на уровне продуцирования текста М. Шагалом, но и на уровне экфрастического представления произведений живописи: *«Вы когда-нибудь видели на картинах флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, темно-карими, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жженой охры, в морщинах и складках? Это мой отец»* [15]. В приведенном макроконтексте отсылка к существующим живописным полотнам итальянских художников (по всей видимости, Предвозрождения и Ренессанса)

дополнена личными впечатлениями М. Шагала, при этом получается как бы наложение детского опыта на опыт художника, знающего историю живописи (маркеры выделены курсивом). Представляется, что ключевым словом, эксплицирующим личное, субъективное восприятие реального человека в двух системах координат – обыденности и искусства – является лексема *отроду*.

Также в следующем макроконтексте «*Помнишь, как-то я написал с тебя этюд. Твой портрет должен походить на свечку, которая вспыхивает и потухает в одно и то же время. И обдавать сном*» [15] репрезентирован синтез индивидуальных воспоминаний и культурных кодов: автор актуализирует здесь и визуальную образность, обусловленную кодом изобразительного искусства (*этиюд*), и лингвокультурную символику еврейского народа (*свечку, которая вспыхивает и потухает в одно и то же время*).

Одной из самых ожидаемых для дискурса художника и в то же время самых интересных в плане репрезентации в автобиографическом дискурсе считаем постоянные попытки М. Шагала передать с помощью языковых и речевых средств зрительные образы, имеющие живописную природу, например: «*Я бы предпочел написать портреты моих сестер и брата красками.*

Охотно соблазнился бы гармонией их кожи и волос, так бы и набросился на них, опьяняя холст и зрителей буйством моей тысячилетней палитры!

Но описать их словами! Попробую разве что дать хоть какое-то представление о тетушках. У одной был длинный нос, доброе сердце и дюжина детей, у другой — нос покорооче и полдюжины детей, но больше их всех она любила самое себя — а что такого? У третьей нос, как на портретах Моралеса, и трое детей: заика, глухой и еще неизвестно какой — совсем младенец» [15]. В приведенном макроконтексте наиболее репрезентативным представляется противопоставление *красками* – *словами*, реализующее текстообразующую функцию: так, лексема *красками* становится центром контекста, включающего яркие зрительные представления (*Охотно соблазнился бы гармонией их кожи и волос, так бы и набросился на них, опьяняя холст и зрителей буйством моей тысячилетней палитры*, в то время как лексема *словами*, на первый взгляд, должна стать основой аттракции семантического пространства, связанного с вербальными представлениями. Однако, на наш взгляд, в этом и состоит особенность автобиографического дискурса художника, для которого и вербализация тесно связана, прежде всего,

со зрительными и цветовыми образами. Поэтому М. Шагал и предпринимает попытку «*дать хоть какое-то представление о тетушках*», начиная их описание все же с внешних портретных черт: *У одной был длинный нос ... у другой — нос покорооче ... У третьей нос, как на портретах Моралеса*. При этом представление о третьей тетке автора все же сопровождается отсылкой к полотнам Луиса Моралеса (1509 – 1586), одного из самых ярких представителей испанского маньеризма, старшего современника Эль Греко. И к лишь к этим внешним характеристикам подключены в автобиографическом дискурсе впечатления о внутреннем мире родственниц художника (*доброе сердце, больше их всех она любила самое себя*), а также указание на количество детей, обнаруживающее этно- и лингвокультурную специфику.

Также весьма показателен и следующий мароконтекст: «*А тетушки Муся, Гутя, Шая! Крылатые, как ангелы, они взлетали над базаром, над корзинками ягод, груш и смородины. Люди глядели и спрашивали: «Кто это летит?»*» [15]. Представляется, что здесь имплицированы особенности картин самого М. Шагала, зачастую изображающих летящих людей. Это именно та важная составляющая образа мира художника, которая в ряду некоторых других объективирует индивидуально-авторский стиль его живописных произведений.

Несомненно, особое внимание лингвистов к автобиографическому дискурсу обуславливается разнообразием репрезентаций взаимодействия человека и языка в нем: корреляции субъективной и объективной истории, манифестирование компонентов внешнего и внутреннего мира сообщают данному виду дискурса особые возможности в плане изучения реализации особенностей образа мира и языкового сознания автора. Автобиографический дискурс художников, чья жизнь в своих временных рамках совпала с переломными историческими событиями, представляет особый интерес, т.к. является сложным синтезом собственно автобиографического и профессионального дискурсов, репрезентируя также разнообразные культурные коды и этноспецифические смыслы. В автобиографическом дискурсе М. Шагала значимы компоненты индивидуально-авторской картины мира художника, которые обнаруживают лингвокреативный потенциал его языкового сознания, одновременно объективируя реализацию его творческой личности в изобразительном искусстве.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Автобиографическая практика в России и во Франции = *Pratiques autobiographiques en Russie et en France*: сб. ст. / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького Рос. акад. наук; под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М.: ИМЛИ, 2006. 278 с.
2. *Алташина В.Д.* Autofiction в современной французской литературе: легио из эго. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 12-22.
3. *Волошина С.В.* Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 267–273.
4. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. 560 с.
5. *Зенкин С.Н.* Введение в литературоведение: Теория литературы. М.: РГГУ, 2000. 81 с.
6. *Кабанова И.В.* Документальное и вымышленное в автобиографии: Джордж Оруэлл и Сирил Коннолли // Филологический класс. 2012. № 2. С. 107-112.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Рос. энцикл., 1990. 687 с.
8. *Николина Н.А.* Поэтика русской автобиографической прозы. Изд. 3-е, стереотип. М.: Флинта, 2017. 424 с.
9. *Павлова Ю.С.* О соотношении понятий «жанр автобиографии», «автобиографический дискурс», «автобиографизм»: литературоведческий аспект // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 22-28.
10. *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
11. *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24-32.
12. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7-22.

13. *Уфимцева Н. В.* Археология языкового сознания: первые результаты // *Язык. Сознание. Культура* / отв. ред. Н. В. Уфимцева, Т. Н. Ушакова. М.: ИЯ РАН, 2005. С. 205-215.
14. *Ушакова Т.Н.* Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты*: Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. М.- Барнаул, 2004. С.6-17.
15. *Шагал М.* *Моя жизнь*. М.: Эллис Лак, 1994. 208 с. URL: https://royallib.com/book/shagal_mark/moya_gizn.html
16. *Lejeune Ph.* *L'autobiographie en France*. 2 éd. Paris : Armand Colin, 1998. 192 p.
17. *Man P. de.* *Autobiography as De-facement* // *Modern Language Notes*. 1979. Vol. 94. P. 919-930.

R E F E R E N C E S

1. *Autobiographical practice in Russia and France = Pratiques autobiographiques en Russie et en France: Collection of articles* / Institute of World Literature of A.M. Gorky Russian academy of sciences; ed. K. Violet, E. Greceanîi. Moscow, 2006.278 p.
2. *Altashina V.D.* Autofiction in Contemporary French Literature: Lego from the Ego. *Bulletin of Southern Federal University. Philological sciences*. 2014. No. 3. P. 12-22.
3. *Voloshin S.V.* Autobiographical discourse as an object of linguistic analysis // *Bulletin of Irkutsk state linguistic university*. 2014. No. 2. P. 267–273.
4. *Western literary criticism of the XX century: Encyclopedia*. М.: Intrada, 2004.560 p.
5. *Zenkin S.N.* *Introduction to Literary Studies: Theory of Literature*. М., 2000.81 p.
6. *Kabanova I.V.* Documentary and Fictional in Autobiography: George Orwell and Cyril Connolly // *Philological Class*. 2012. No. 2. P. 107-112.
7. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. М.: Russian encycl., 1990.687 p.
8. *Nikolina N.A.* *Poetics of Russian autobiographical prose*. Ed. 3rd, stereotype. Moscow: Flinta, 2017.424 p.

9. *Pavlova Yu.S.* On the relationship between the concepts of "genre of autobiography", "autobiographical discourse", "autobiography": literary aspect // *Genres of speech*. 2020. No. 1 (25). P. 22-28.
10. *Starobinsky J.* Poetry and knowledge: History of literature and culture: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002. 496 p.
11. *Tarasov E.F.* Actual problems of the analysis of linguistic consciousness // *Linguistic consciousness and the image of the world* / ed. N.V. Ufimtseva. Moscow, 2000. P. 24-32.
12. *Tarasov E.F.* Intercultural communication – a new ontology of the analysis of linguistic consciousness // *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness* / ed. N.V. Ufimtseva. Moscow, 1996. P. 7-22.
13. *Ufimtseva N.V.* Archeology of linguistic consciousness: first results // *Language. Consciousness. Culture* / ed. N. V. Ufimtseva, T. N. Ushakova. Moscow, 2005. P. 205-215.
14. *Ushakova T.N.* The concept of linguistic consciousness and the structure of the speech-thought-linguistic system // *Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects: Collection ed. N.V. Ufimtsevoy*. M.- Barnaul, 2004. P. 6-17.
15. *Chagall M.* My life. Moscow: Ellis Lack, 1994. 208 p. URL: https://royal-lib.com/book/shagal_mark/moya_gizn.html
16. *Lejeune Ph.* L'autobiographie en France. 2 éd. Paris: Armand Colin, 1998. 192 p.
17. *Man P. de.* Autobiography as De-facement // *Modern Language Notes*. 1979. Vol. 94. P. 919-930.

26 июля 2021 г.